

**Военные
Приключения**

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ "ЧЁРНЫХ ДЬЯВОЛОВ"

СЕРГЕЙ НУРТАЗИН

Военные приключения (Вече)

Сергей Нуртазин

Последний бой «чёрных дьяволов»

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1 311.3
ББК 84(2)

Нуртазин С. В.

Последний бой «чёрных дьяволов» / С. В. Нуртазин — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8949-5

Великая Отечественная война закончилась, но не для всех частей Красной армии. 11 мая 1945 года Гвардейскому механизированному корпусу дан приказ ликвидировать группировку немцев, вступившую в бой с чешскими партизанами. Отделению разведчиков мотоциклетного батальона во главе со старшим сержантом Александром Григорьевым предстоит не только добраться до места боевых действий, но и остановить группу эсэсовцев и диверсантов школы абвера, способную навредить отношениям союзников. Обидно погибать, когда война считается оконченной, но «чёрные дьяволы» готовы принять смерть после Победы.

УДК 821.161.1 311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8949-5

© Нуртазин С. В., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

От автора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Викторович Нуртазин

Последний бой «чёрных дьяволов»

© Нуртазин С.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2023

От автора

В светлый день начала мая
Белой птицей, в край родной
Прилетела весть благая,
Что покончено с войной.

Прочь из сердца грусть-тревога,
Веселись, гуляй страна.
Счастья видели немного,
Горя выпили сполна.

Натерпелись, ожидая
Похоронок на родных,
Но ушла година злая,
И последний бой затих.

И вдыхая власть, охотно,
Дивный аромат весны,
Отмывали бабы окна
От проклятой той войны...

«Немцы называют наших мотоциклистов “чёрными дьяволами”. Они награждают нас всевозможными прозвищами. Но в каждом из этих прозвищ прежде всего сквозит страх немцев перед отчаянно смелыми людьми...»

*Командир гвардейского мотоциклетного полка,
Герой Советского Союза,
гвардии полковник П. Белик.
Публикация газеты «Известия»
№ 121 (8115), 1943 г.*

* * *

Старик в пилотке и полинявшей от времени гимнастерке, увешенной наградами, подошел к стене, на которой под стеклом в деревянной рамке висели фотографии. Одна отличалась от остальных. Это была фотография военного времени, с которой на него смотрели сидящие за столом солдаты в красноармейской форме. Старик знал каждого из них, они приходили к нему во сне все годы, прошедшие после войны, он хорошо помнил, когда и где была сделана фотография. Это произошло в Праге, в мае 1945 года...

* * *

Теплые лучи весеннего полуденного солнца, продираясь сквозь висящую над городом дымку, ласкали живописные вершины холмов, шпили многочисленных костелов и башен, позолоченные купола соборов и красные черепичные крыши зданий, когда передовой отряд мотоциклетного батальона из состава механизированного корпуса ворвался в Прагу. Их под-

держивали самоходные артиллерийские установки и танки с десантом на борту. Они были не первыми. В городе уже действовали части Красной армии. Добывали остатки оказывающих сопротивление фашистов и их приспешников. Судьба чешской столицы была предрешена, но все еще тянулись к ясному небу немногочисленные столбы черно-серого дыма, еще доносились с окраин редкая стрельба, а началась она за четыре дня до их появления. Тогда в Праге вспыхнуло восстание против немецких властей, на улицах начались бои. Вскоре в чешскую столицу вошли части германских войск, усиленные танками, готовые сломить сопротивление и жестоко покарать плохо вооруженных повстанцев, но подавить восстание не удалось. Шестого мая к восставшим горожанам неожиданно присоединилась дивизия Русской освободительной армии. Власовцам быстро удалось занять несколько районов города, однако вечером следующего дня, узнав о приближении частей Красной армии, они стали спешно покидать столицу. За ними в Прагу вошли отступающие немецкие войска, которые захватили большую часть чешской столицы, но вскоре и они потянулись вслед за власовцами. Не все. Часть особо преданных фюреру эсэсовцев и не успевших покинуть город солдат из подразделений вермахта продолжала стрелять в чехословацких повстанцев и вошедших в Прагу бойцов Красной армии, а поэтому следовало соблюдать осторожность.

Старшему сержанту Александру Григорьеву не единожды приходилось брать города и участвовать в изматывающих уличных боях, помнил он и Николаев, и Будапешт, и Вену, и Брно, а потому, уверенно управляя двухместным американским мотоциклом с мудреным названием «Харлей-Дэвидсон», получившим среди бойцов Красной армии прозвище «Валуй», успевал смотреть по сторонам. Мотоцикл старшему сержанту достался как трофей. Прежде полученный от союзников по ленд-лизу «железный конь» в ходе ожесточенных боев с противником стал добычей солдат вермахта, однако спустя некоторое время Григорьев, убив в скоротечном бою двух немцев, сумел вернуть его в ряды Красной армии. Командир батальона хотел за этот бой представить его к награде и повысить в звании, но Александр категорически отказался, попросив позволения предоставить трофей в его личное пользование, – уж очень он ему полюбился. Комбат дал разрешение, и с той поры Григорьев почти не расставался со своим железным другом. Вот и теперь они были вместе.

Внимательный взгляд Александра скользил по входным дверям, крышам, балконам и окнам домов. Из некоторых окон были вывешены трехцветные чехословацкие флаги, но выстрела можно было ожидать даже оттуда. С не меньшим вниманием осматривали строения на вымощенной булыжником улице и бойцы его отделения разведчиков. От зоркости и опыта сейчас зависела не только их жизнь, но также и жизнь боевых товарищей – мотоциклистов, танкистов и пехотинцев, которые следовали за ними. Заодно бойцы могли в полной мере насладиться прекрасными видами столицы Чехословакии. Ей повезло. В марте тридцать девятого ее без сопротивления сдали вооруженным силам Германии, сейчас, в мае сорок пятого, ей тоже удалось избежать значительных разрушений, которым в ходе ожесточенных боев подвергся венгерский Будапешт и еще в большей степени Сталинград, Ростов-на-Дону, Одесса, Николаев, советские города, в освобождении которых мотоциклистам приходилось участвовать.

Подъезжая к перекрестку, старший сержант заметил, как из-под полукруглой арки старинного четырехэтажного каменного дома, энергично размахивая руками, выбежали вооруженные люди. Григорьев резко остановил мотоцикл, отпустил руль и взял висевший на груди автомат «ППШ» наизготовку.

Незнакомцев было четверо. Один из них был в немецкой каске и форме чехословацкой армии, еще один в немецком обмундировании цвета фельдграу и пилотке. Двое – в гражданской одежде. Рядом с «Харлеем» остановился мотоцикл М-72 с коляской. Водитель Аркадий Лисковец схватился за висевший на груди автомат «ППС». Из-за его левого плеча целился в незнакомцев из «ППШ» смуглолицый и узкоглазый стрелок Айдарбек Джумагалиев. Сидев-

ший в коляске здоровяк ефрейтор Михаил Красильников мгновенно направил на них дуло стоящего на турели пулемета Дегтярева:

– Командир, фрицы! Сейчас я им...

Григорьев поднял руку:

– Отставить! Спокойно, Миша, не торопись, сейчас мы разберемся, кто это такие. Вы только по сторонам не забывайте поглядывать.

Джумагалиев, не опуская «ППШ», бросил:

– У них на рукавах повязки. Кажется, это повстанцы.

Его слова заглушил стрекот мотоциклов. Еще два экипажа отделения разведчиков на М-72 подъехали к мотоциклу Григорьева, держа оружие наготове.

Старший сержант не ошибся, незнакомцы оказались повстанцами. Один из гражданских, долговязый, на вид около тридцати лет, одетый в длиннополый бежевый плащ и серую фетровую шляпу, ловко забросив за спину немецкую автоматическую штурмовую винтовку, широко шагая, первым подошел к Александру.

Григорьев заглушил двигатель, откинул подножку, неспешно слез с мотоцикла. Вслед за долговязым подошли и встали за его спиной остальные повстанцы. Как вести себя с ними, мотоциклисты знали, поскольку еще перед началом освобождения территории Чехословакии командованием до их сведения было доведено, что Чехословакия является союзницей и отношение со стороны войск Красной армии к населению и повстанческим чехословацким частям должно быть дружественным. Также запрещалось самовольно конфисковать автомашины, скот и имущество, а все необходимое получать только через гражданские администрации и командование повстанческих частей.

Александр отпустил автомат, поднял на лоб мотоциклетные очки, поправил кубанку из черного каракуля, козырнув, громко сказал:

– Старший сержант Красной армии Григорьев, а вы кто будете?

Долговязый чех смерил взглядом молодого, лет двадцати, русоволосого старшего сержанта со светло-кариыми глазами, ответил:

– Бывший прапорщик Чехословацкой армии Иржи Новак.

– Откуда вы знаете русский язык?

– Научился от советских товарищей, когда был в концентрационном лагере, откуда мне в прошлом году удалось благополучно бежать. Мне пришлось некоторое время скрываться от немецких властей, а сейчас я возглавляю отряд, подчиненный Чешскому национальному совету. Нам поручено оказывать вам помощь. Мы будем проводниками, и если вы пожелаете, то покажем, где есть заминированные места и могут быть немецкие солдаты, но сейчас нам тоже нужна помощь, – Иржи Новак повернулся к стоявшему позади него низкорослому крепышу в кепке и сером костюме, что-то приказал по-чешски.

Крепыш побежал к арке и вскоре вернулся с длиннотылым пожилым человеком с карабином в руках, одетым в черную форму чехословацкого жандарма. Длиннотылый жандарм, закинув карабин за спину, приветственно кивнул Александру, придерживая пальцами форменную фуражку с кокардой за лакированный козырек. Иржи Новак продолжил говорить:

– Франтишек знает, где находится тайный склад нацистов. Это дом, где раньше жил судетский немец Рудольф Кромбергер, сотрудничавший с властями. Ночью, на следующий день после начала восстания, к дому подъехали три крытых брезентом немецких грузовика. Там было много ящиков. Их быстро разгрузили и занесли через калитку во двор, а потом через черный ход внутрь дома. Об этом Франтишеку утром рассказала Каролина, служанка Кромбергера, она чешка. Сам хозяин на следующий день исчез вместе с семьей. Франтишек думает, что оружие и боеприпасы были привезены в дом Кромбергера для того, чтобы вооружить судетских немцев, проживающих в этом районе.

– Почему вы думаете, что в ящиках оружие?

– Каролина рассказала, что сама видела, как Рудольф Кромбергер открыл несколько ящиков, чтобы осмотреть их содержимое. В них находились боеприпасы и оружие. Еще были ящики, на которых написано, что там находится взрывчатка. Позже их вместе с остальными опустили в подвал. Ящики до сих пор находятся там. Еще в доме есть немецкие солдаты. Их человек десять, а может пятнадцать. Все они в форме СС. От служанки Рудольфа Кромбергера Франтишеку удалось узнать, что им приказано взорвать склад, если кто-то попытается захватить дом. Если это произойдет, то могут пострадать люди, которые живут рядом, и их дома. К сожалению, мы не можем им помочь, поскольку не имеем для этого сил. До вашего прихода мы вели бой с немцами, от моего отряда осталось только пятеро. У нас почти нет патронов. В подчинении у Франтишека только два жандарма с карабинами, сейчас они следят за засевшими в доме немцами, но даже с их помощью мы не сможем с ними справиться. Мы могли бы предупредить жильцов соседних домов, но, думаю, что они побоятся выходить на улицу. К тому же это может насторожить немцев, засевших в доме, а они наверняка думают, что мы о них не знаем. Однако подобраться к дому незаметно тоже не получается, поскольку двор Кромбергера охраняет собака.

Разговор прервал мотоциклетный рокот, лязг гусениц и рычание танкового двигателя. Григорьев покосился на подъезжающую технику:

– Вот и наши ребята подкатили, – Александр перевел взгляд на чеха в шляпе. – Сейчас, товарищ бывший прапорщик, решим, как тебе помочь.

Танк остановился рядом с мотоциклами. Из открытого люка «тридцатьчетверки» с надписью на башне «Мститель» высунулась усатая голова в танковом шлеме из черной «кирзы»:

– Старший сержант! Что у вас там?

– Да вот, чехи помощь предлагают.

Из-за танка вывернулся мотоцикл командира роты Родиона Тихомирова. Остановив «железного скакуна», тридцатипятилетний стройный старший лейтенант строго спросил:

– Григорьев, что у тебя случилось? Почему не продвигаемся дальше?

Старший сержант подошел, кратко разъяснил обстановку. Старший лейтенант сдвинул на затылок командирскую фуражку, торопливо достал из сумки-планшета карту, обратился к предводителю отряда повстанцев:

– Вы можете указать, где находится склад?

Иржи внимательно посмотрел на карту, ткнул пальцем:

– Здесь.

– Понятно, на окраине, значит, фрицы тайник устроили... Хорошо, это район действия нашего подразделения, но сейчас нам поставлена другая задача. В первую очередь нашему батальону надо выдвинуться к реке Влтава. Вот сюда, – комроты указал место на карте. – Вы сможете нас провести?

– Да, конечно, я вам все покажу, как быстрее туда добраться, где и как обойти противотанковые заграждения и завалы. Нам пришлось их построить против немецких танков. Двигаться надо очень осторожно, в некоторых зданиях все еще находятся германские солдаты. Есть сведения, что некоторые из них скрылись в канализации и подземельях города, а значит, всегда можно ожидать внезапного нападения.

– Добро, это мы учтем, а к тайному складу эсэсовцев я отправлю отделение Григорьева, – командир роты бросил взгляд на Александра. – Как, казачок, с дюжиной фрицев справишься?

– Справимся, не впервой.

– Ладно. Если все подтвердится и вам удастся захватить склад, возьмете его под охрану и будете ждать дальнейших указаний. К вечеру мы должны быть в вашем районе. Может, там и заночевать придется. Если захватить дом не удастся, то шли за помощью, но желательно, чтобы до этого дело не дошло. Помни, главное – не допустить его подрыва. Действуй, старший сержант.

Иржи Новак кивнул на жандарма:

– Франтишек покажет вам дорогу к дому. Он не говорит по-русски, но с ним пойдет Николай, он будет вам переводить его слова, – чех указал на приземистого повстанца в немецкой форме.

Боец шагнул к Тихомирову, приложил руку к пилотке, пытаясь что-то сказать, но Тихомиров перебил:

– Николай, говоришь? – Старший лейтенант подозрительно посмотрел на сероглазого повстанца, его лицо побледнело. Лишь сейчас он заметил на левом рукаве кителя нашивку с надписью «РОА» и изображением Андреевского флага.

Чех закивал:

– Да, да. Он тоже русский. Когда солдаты Русской освободительной армии ушли, он остался, чтобы вместе с нами бороться против оккупантов. Он настоящий герой.

На скулах Тихомирова заиграли желваки.

– Нет! Он не герой, он предатель! – Старший лейтенант неожиданно для всех выхватил из кобуры пистолет «ТТ» и выстрелил в голову власовца. Окровавленные мозги брызнули на брусчатку и бежевый плащ должговязого командира отряда повстанцев. Николай выронил винтовку, упал у ног чеха. Иржи Новак подался назад, ошарашено произнес:

– Что вы сделали! Зачем? Это жестоко!

Тихомиров глянул холодным взглядом в глаза чеха:

– Мы тут неподалеку видели изуродованные тела немецких солдат. Среди них были одетые в гражданскую одежду старик, женщина и подросток. Их убили ваши соотечественники. Они мстили им за обиды. Это, по-вашему, не жестоко?!

Командир повстанцев попытался что-то сказать в оправдание, но старший лейтенант, не обращая внимания на чеха, крикнул танкисту:

– Лейтенант, бери проводников себе на броню!

Усатый танкист махнул рукой повстанцам:

– Давай, братья славяне, залезай! Показывай дорогу!

Командир роты обратился к Григорьеву:

– Справишься без переводчика?

– Как-нибудь договоримся.

– Тогда бери чеха и вперед. Смотри там, дюже не геройствуй, ребят береги. Сам понимаешь, война уходит на закат, надо, чтобы все домой вернулись. По пути следования к цели в бои с противником не ввязываться. Ваша главная задача – захватить склад.

– Товарищ старший лейтенант, нам бы в помощь какую-нибудь единицу бронетехники...

– Ишь, бронетехнику ему подавай! Она мне самому нужна для решения основных задач, а лишней техники нет, сам знаешь, сколько ее потеряли, пока до Праги пробивались. Да и маневренность с быстротой вы с танком потеряете, опять же, цель эта для немецких фаустников лакомая. Так что в помощь дам тебе экипаж минометчиков, – старший лейтенант оглянулся, отыскал глазами мотоцикл М-72, из специально оборудованной коляски которого торчал похожий на трубу ствол восьмидесятидвухмиллиметрового батальонного миномета, крикнул водителю:

– Мухаметзянов! Поступаешь в распоряжение старшего сержанта Григорьева.

* * *

Спустя минуту «железный скакун» командира роты взревел и помчался по улице, увлекая за собой десяток своих трехместных «собратьев», которых оседлали «черные дьяволы», как часто немецкие солдаты называли мотоциклистов Красной армии. Глядя ему вслед, Иржи Новак произнес:

– Мне кажется, что ваш командир поступил неправильно!

Григорьев глянул на распростертое на брусчатке тело власовца, сплюнул себе под ноги.

– В сорок третьем году на Псковщине такие же вот предатели расстреляли всю его семью, а дом сожгли.

Чех опустил голову, молча пошел к рычащему танку. Старший сержант кивнул длиннолицему жандарму на мотоцикл.

– Садись, дядя, прокачу тебя с ветерком на своем боевом коне. Ты, небось, прежде на американском мотоцикле никогда не катался.

Жандарм улыбнулся, закивал, усаживаясь на заднее сиденье, спросил:

– Як сэ йменуэтэ?

Григорьев понял, о чем его спрашивает чех, повернув голову, бросил:

– Александром именуюсь.

Чех похлопал себя ладонью по груди:

– Франтишек.

– Это мне уже известно, неизвестно, где дом с немцами искать. Говори, союзничек, куда ехать?

Чех понял, указал на улицу, которая уходила направо.

– Доправа.

– Понятно. Вот видишь, и переводчик нам не нужен, – старший сержант завел мотоцикл, махнул рукой.

Три боевых единицы его отделения и приданный им экипаж минометчиков последовали за ним. Ехали по брусчатке, по битому стеклу витрин магазинов, время от времени объезжая оставленные взрывами выбоины, сожженную и брошенную технику. Миновав пустой с выбитыми стеклами трамвай, остановились у перекрестка, уступая дорогу отряду кавалеристов в черных бурках и кубанках. Григорьев махнул рукой:

– Здорово бывали, казаки!

В ответ слышались бодрые крики:

– Слава Богу! Нормально! Не жалуемся! Живем, хлеб да сало жуем!

Один из казаков, молодой, статный, чубатый, остановился рядом с «Харлеем», слез с коня, стал подтягивать подпругу. Григорьев спросил:

– Откуда родом?

Казак обернулся, тронул торчащую из ножен рукоять шашки:

– Кубанские мы, а сам, как я погляжу, тоже папаху носишь. Видать, наших кровей, казацких.

– С Дона я, из Ростова.

– Приходилось моему гнедому донской водицы испить, теперь вот из реки Влтавы хотим коней напоить да на Прагу глянуть. Айда с нами.

– Моего коня бензином поить надо, он у меня американской породы.

– А мы тебе железного на обычного поменяем.

Александр отрицательно покачал головой:

– Нет, браток, благодарствую. Я на нем уже приличный срок воюю, он мне не раз жизнь спасал. Как родной стал.

Казак протянул Григорьеву ладонь:

– Ну, коли так, тогда бывай, старший сержант. С победой тебя! Небось, слышали, что наши Берлин взяли, Германия капитулировала.

– А то как же, слышали. Тебя тоже с победой! – Григорьев крепко пожал руку кавалериста.

Усатый казак в линиялой гимнастерке, с орденом Красной Звезды на груди, следующий последним, обернулся, зычно крикнул:

– Тараненко! Павло! Чего ты там колготишься? Догоняй!

Казак схватился за луку седла, вставил ногу в стремя, лихо вскочил на коня. Копыта гнедого жеребца зацокали по брусчатке, вскоре казак Павло Тараненко присоединился к сослуживцам. Путь был свободен. Мотоциклисты продолжили движение, однако на следующем перекрестке снова встретили препятствие. На этот раз им помешала баррикада, сооруженная поперек улицы из деревянных балок, ящиков, бочек, брусчатки, кирпичей, досок и мебели. Пришлось объезжать ее по соседней улице, узкой и малолюдной. Она-то и вывела разведчиков к нужному месту, на окраину города. Здесь улица делала крутой поворот. Перед поворотом жандарм похлопал Александра по плечу, громко сказал:

– Заставтэ тады, просим.

Старший сержант понял, что Франтишек просит его остановиться, и заглушил двигатель мотоцикла. Замолкли и остальные. Жандарм слез с «Харлея», призывно махнул Григорьеву рукой, подошел к углу строения, рядом с которым они остановились. Выглянув из-за угла, чех указал на кирпичный светло-серого цвета двухэтажный дом за высоким каменным забором. Осмотрев объект и прикинув расстояние, старший сержант подошел к бойцам отделения:

– Значит так, гвардейцы. До дома, где засели немцы, не меньше полусотни метров, а может и больше, и заборище высотой почти в полтора моих роста. По обеим сторонам улицы сплошные заборы и дома. Спрятаться особо негде. Так что если нас обнаружат, то мы у фрицев как на ладони будем.

Аркадий Лисковец почесал затылок:

– Если на чердаке еще снайпер или пулеметчик засел, то нам несладко придется.

– То-то и оно. Прежде чем дома достигнем, многие из нас здесь, в Праге, навечно останутся, а мне уж больно в родной Ростов-на-Дону после победы возвратиться охота... Из соседних дворов тоже не получится. Могут раньше времени обнаружить, а времени у нас немного. Опять же, подвергнем опасности жителей этих домов. Вывод такой – будем брать дом наскоком. Экипаж младшего сержанта Мухаметзянова поддержит нас огнем своего миномета. Гургенидзе! – Григорьев отыскал взглядом смугловатого горбоносого грузина лет двадцати пяти. – Вашему экипажу будет такое задание. Якимчик прикроет нас огнем из пулемета, ты из автомата. Когда ворвемся во двор, выдвигайтесь к нам на помощь.

– Есть, – Вахтанг выпрямился, приложил правую ладонь к пилотке, затем взялся за рукоять длинного кинжала. Старинный кинжал в красивых серебряных ножнах, украшенных орнаментом, вручил ему перед уходом на фронт его столетний прадед Ираклий, поэтому Вахтанг им дорожил и никогда с ним не расставался.

Взгляд старшего сержанта переместился на седоватого средних лет солдата с морщинистым лицом:

– Мельников! Тебе, Василий Матвеевич, как сибиряку и опытному охотнику, особое задание. Бери свою винтовку и проверь это здание на наличие неприятеля, – Александр кивнул на стену дома, рядом с которым они остановились. – Заодно пригляди для себя местечко у окна на втором этаже или еще лучше на чердаке, чтобы было удобно на фрицев охотиться. Думаю, оттуда чудесный вид откроется на дом и двор, где немчура засела. Если все нормально, то махнешь нам вон из того окна, – Григорьев указал на окно на втором этаже.

– Понятно, – медлительный и кряжистый Мельников с винтовкой в руках косолапо побежал к входу в дом.

Двадцатилетнего старшего сержанта, несмотря на его молодой возраст, бойцы уважали и слушались беспрекословно, но не только в связи с воинской должностью и званием, а больше за его человеческие качества и, в отличие от многих из них, немалый боевой опыт. Александр Григорьев в свои двадцать воевал уже третий год и имел медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», орден Красной Звезды и ордена Славы двух степеней, а на фронте знали, как доставались эти награды.

Григорьев обратился к оставшимся бойцам:

– Экипаж Красильникова со мной. Подъезжаем вплотную к забору, с мотоцикла преодолеваем преграду, дальше в зависимости от обстоятельств. Как действовать, вы все знаете, не мне вас учить. Экипаж Опанасенко. Ваша задача ворваться в ворота. Действуем по-суворовски, главное в нашем деле быстрота, внезапность и натиск. Все ясно? – Услышав в ответ «Так точно!», старший сержант обратился к чеху: – Франтишек. Ты говорил, что со двора дома на соседнюю улицу еще один выход есть.

Чех кивнул головой.

– Ано.

Григорьев вытащил из подсумка две гранаты, отдал жандарму:

– Ну, раз ано, тогда бери своих бойцов и, когда начнется стрельба, атакуйте немцев с той стороны. Пока вы их там отвлекаете, мы основными силами здесь ударим. Понятно?

Бросив старшему сержанту краткое: «Розумим», – Франтишек поспешил выполнять приказ.

Александр посмотрел в сторону низкорослого Ибрагима Мухаметзянова:

– Как только мы тронемся, бейте по чердачному окну. С первого раза, конечно, вряд ли накроете, но хотя бы отвлекете.

– Постараемся. На фронте случаи бывали, что с этой штуки даже низколетящие самолеты сбивали.

Григорьев недоверчиво ухмыльнулся:

– Скажешь тоже, самолеты из миномета...

Узковатые глаза Мухаметзянова расширились:

– Ты что, мне не веришь?! А ты про лейтенанта Симонока слышал?!

– Нет.

– А про сержанта Калинина?

– Нет.

– Почему тогда не веришь?!

Григорьев успокоил:

– Да верю я тебе, Ибрагим! Верю. Потому и очень надеюсь на тебя. Ты же у нас один из лучших минометчиков. Так что действуй. Доложишь, когда расчет будет готов, а после боя расскажешь про своих героев, если время будет.

– Расскажу и доложу, сейчас только гляну на цель и прикину, как нам ее поразить, – выпалил Мухаметзянов и побежал к углу дома, за которым они скрывались от глаз противника.

Александр остался на месте и стал с интересом наблюдать, как два оставшихся подчиненных младшего сержанта сноровисто вытащили из люльки мотоцикла опорную плиту, трубу, лафет-двуногу, четыре деревянных ящика и также сноровисто стали устанавливать орудие. Когда они закончат, начнется бой.

Патокой потянулись томительные секунды ожидания. Как и прежде бывало перед боем, у Григорьева учащенно забилось сердце. «Скорее бы все началось!» – мелькнуло в голове. Он знал, что сердцебиение и волнение пройдут сразу же, как настанет пора действий, и весь его организм будет нацелен только на одно – одолеть противника и выжить самому. Успокаивая себя, едва слышно напевал:

Вьюн над водой, ой, вьюн над водой,
Вьюн над водой расстилается.
Жених у ворот, ой, жених у ворот,
Жених у ворот дожидается.

Дождаться долго не пришлось. Не прошло и минуты, как младший сержант Мухаметзянов негромко доложил:

– Миномет к стрельбе готов! Сейчас бы «Лукой» стрельнуть по этому дому, тогда бы и штурмовать его не пришлось. Может, им предложить сдаться?

– Если начнем с ними переговоры, они смогут подготовиться к бою или еще каких-нибудь гадостей наделать. И мощные снаряды здесь не применишь. Имеются сведения, что в подвале хранятся ящики с боеприпасами, в том числе и взрывчаткой, если рванет, могут мирные жители пострадать и их дома. Так что вы уж постарайтесь аккуратнее. Теперь давай к орудию, сейчасждемся сигнала Мельникова и начинаем.

Долго ждать не пришлось: не прошло и пяти минут, как окно на втором этаже стоящего рядом дома открылось и в нем показался Мельников, знаком показывая, что все в порядке.

Столь же негромкий, как и доклад Мухаметзянова, приказ Григорьева привел в движение мотоциклы. Два М-72 и «Харлей-Дэвидсон» старшего сержанта взревели и рванулись по мощеной улице к дому. Эсэсовцы не зевали, из чердачного окна застрочил пулемет. Заливистый лай немецкого МГ-42 был недолгим. Гулко ухнул миномет Ибрагима Мухаметзянова, мина со свистом понеслась к дому, ударила в черепичную крышу рядом с чердачным окном. Оглушительный взрыв заставил пулемет замолчать. По окнам второго этажа яростно ударил «Дегтярев» белоруса Федоса Якимчика. Огнем из автомата его поддержал Вахтанг Гургенидзе. Из соседнего дома раздалась частые винтовочные выстрелы, это на помощь разведчикам пришли пражские жандармы Франтишека.

Под звуки выстрелов и звон стекла мотоциклы вплотную подъехали к забору. Теперь они были в «мертвой» непростреливаемой зоне – с чердака и из окон дома не достать, а вот за забором их, скорее всего, поджидала опасность. Но на то она и война, а войны без опасности, как и без потерь, не бывает...

Водитель первого экипажа Аркадий Лисковец остановил мотоцикл, вскочил на оба сиденья лицом к забору, уперся руками в кладку и присел, давая возможность стрелку Джумагалиеву взобраться себе на плечи. Подсадив Айдарбека, он снова присел. Следующим на заборе, с его помощью, оказался Григорьев. Спрыгнув, он присоединился к Джумагалиеву. Айдарбек уже успел срезать короткой очередью метнувшегося к нему от ворот крупного пса. Немецкая овчарка взвизгнула, перекувыркнулась и черно-рыжим комком замерла у забора в двух метрах от его ног.

Прикрывая частым огнем из автоматов перелезавших через забор товарищей, разведчики рванулись к окнам первого этажа. В одном из них появился эсэсовец в сером кепи. Григорьев успел заметить его краем глаза. Слишком поздно. Немцу оставалось только нажать спусковой крючок, чтобы прервать жизнь старшего сержанта. Этого эсэсовец сделать не успел. Пуля, выпущенная из снайперской винтовки бывшего сибирского охотника Мельникова, вошла ему аккуратно между глаз. Немец повалился на подоконник. Кепи упало с его головы, обнажая светлорусые волосы. На мощном бритом затылке эсэсовца зияло кроваво-черной дырой выходное отверстие.

За домом рванула граната. «Похоже, чехи пошли на штурм», – проскользнуло в голове старшего сержанта. В оконном проеме мелькнул силуэт еще одного эсэсовца. Не теряя времени, Александр кинул туда гранату, кинулся к стене, дождался, пока прогремит взрыв, и снова, держа автомат наготове, бросился к оконному проему. Остальные разведчики действовали так же. Как захватывать здания, заучили еще со Сталинграда – граната впереди, а ты следом, поливая врага огнем из автомата.

Григорьев увидел, как из соседнего окна вылетела граната с длинной деревянной ручкой. Эта была хорошо ему известная немецкая противопехотная М-27. Эсэсовец целился в бойцов экипажа младшего сержанта Богдана Опанасенко, открывавших ворота.

– Ложись! – хриплый крик вырвался из груди старшего сержанта.

Разведчики слышали, попадали на землю рядом с отворенными воротами. Взрывная волна сорвала створку, осколки разлетелись в разные стороны, выбивая щербины на стене дома и каменной кладке забора. Александр Григорьев и подоспевший ему на помощь ефрейтор Михаил Красильников запрыгнули в окно и кинулись в соседнюю комнату, откуда была брошена граната. Немец в каске успел выстрелить из винтовки два раза, но оба раза промахнулся. Две коротких автоматных очереди пронзили его тело. Немец, падая назад, уперся спиной в стену, выронил винтовку, задержался, будто в танце, а затем медленно сполз на пол, оставляя на желтовато-коричневых обоях кровавый след. Григорьев отвел от немца взгляд, выглянул в окно и с облегчением увидел, что все трое – Опанасенко, пулеметчик Петр Долгих и стрелок Константин Вязовский – живы и бегут к дому, а в открытые ими ворота въезжают на мотоцикле Вахтанг Гургенидзе и Федос Якимчик. Григорьев махнул рукой, привлекая внимание Богдана Опанасенко, громко скомандовал:

– Давай со своими на второй этаж! Гургенидзе, Якимчик – оставайтесь на первом, прикроете их. Джумагалиев, Лисковец, Красильников – за мной. Ищем подвал!

Первым вход в подвал обнаружил Джумагалиев. Приготовив гранату, он позвал Александра:

– Командир! Сюда!

Григорьев вбежал на кухню и увидел откинутую крышку подвала, из входа в который торчали ноги в начищенных до блеска немецких сапогах. Рядом валялась граната, пистолет парабеллум и серая эсэсовская офицерская фуражка с лакированным козырьком, орлом со свастикой на тулье и черепом с костями на околыше. Джумагалиев кивнул на эсэсовца:

– Торопился, шайтан, хотел в подвал спуститься. Пришлось подстрелить. Там, в подвале, наверное, еще кто-то есть, надо туда гранату кинуть.

Александр жестом остановил бойца, подобрал парабеллум, сунул в карман галифе.

– Не вздумай. Если там боеприпасы, то взлетим на воздух вместе с домом.

На кухне с автоматами наперевес появились Лисковец и Красильников.

– За мной! – скомандовал Григорьев, дал короткую очередь в полутьму подземелья и первым сбежал вниз по ступенькам.

За ним в подвал устремились бойцы его отделения. Помещение, не меньше десяти метров в длину и столько же в ширину, изрядно заставленное металлическими и деревянными ящиками, плетеными корзинами и бочками, скупо освещалось одной лампочкой. Из темного угла подвала слышалось бормотание на немецком языке. Разведчики, прикрывая друг друга, приблизились к месту, откуда оно исходило. На полу, возле бочки с вином, сидели три эсэсовца. Двое были пьяны и сопротивления оказывать не собирались. Третий, молодой, белобрысый, без головного убора, смотрел на солдат Красной армии трезвым испуганным взглядом голубых водянистых глаз. Держа немцев на мушке автомата, Григорьев раздавал приказы:

– Лисковец, заberi у них оружие! Красильников, осмотреть помещение. Джумагалиев, быстро позови Вязовского, надо выяснить у пленных, много ли фрицев и не прячется ли в доме еще кто-нибудь. Заодно узнай, что там наверху. Если дом от фрицев отчистили, то сообщите нашим и чехам.

Через минуту в подвал спустился Джумагалиев и молодой боец Константин Вязовский. Григорьев глянул на Вязовского:

– Давай, москвич, допроси фрицев, ты ведь у нас знаток немецкого языка.

Константин посмотрел на эсэсовцев:

– Как же их допрашивать? У этих двух языки от выпитого вина заплетаются, а этот трясется, как осиновый лист на ветру, даже слышно, как зубы стучат. Мы на втором этаже семейных в плен взяли и на чердаке еще одного. Видать, сильно мы их ошарашили своим внезапным нападением. Как припекло, так они сразу врассыпную бросились, будто зайцы, и лапки кверху подняли. Тоже мне, вояки хреновы...

Лисковец покосился на Вязовского:

– Тут ты, парень, не прав. Немец воевать умеет. Ты молодой, всего-ничего служишь, а я давно воюю и помню, какой немец в первые годы войны был. Эти вояки за три года, почитай, всю Европу под себя подмяли, а Чехословакию и вовсе за один день оккупировали. Правда, на нашей земле эти бравые солдаты споткнулись. Только поначалу бывало, что нам самим иной раз приходилось от них по полям да по лесам, словно зайцам, бегать. Нынче мы их толпами в плен берем, а тогда наоборот было. Я уж за эти годы повидал и отступление, и окружение, и плен. Это сейчас в нашей армии и боеприпасы, и обмундирование, и питание, и техники в достатке, а тогда тяжеловато приходилось, случалось и траву, и дохлых лошадей пробовать на вкус, а порой и вовсе жрать нечего было. Зато вши нас ели хорошо. Я из-за них и тифом, и малярией переболел, и дизентерия меня из-за употребления плохой воды не обошла своим вниманием. Может, поэтому и жив остался. Если бы часто в госпитали не попадал по болезни или по ранению, то уже, наверное, лежал бы в сырой земле. Возможно, благодаря этим отсрочкам до конца войны и довоевал. В царике полей – пехоте – долго не повоюешь: один хороший бой – и, как на фронте говорят, отправишься прямиком или в зомотдел, или в здравотдел. Что же касательно фрицев, то сейчас, конечно, немец не тот, но все равно вояки опытные остались, иначе почему столько наших солдатиков погибает. Правда, и мы воевать научились, потому и бьем фрицев. А у этих, сдается, желание воевать отпало, да и пьяные они, заразы, в стельку, иначе нам бы туго пришлось...

Командир отделения прервал рассуждения бывшего солдата:

– Так, Лисковец, хватит философствовать. Бери этих любителей хмельного и веди наверх, на свет божий. Может, там протрезвеют. Молодого фрица здесь допросим, без свидетелей.

Аркадия Лисковца старший сержант уважал и считал его боевым товарищем, поскольку пришлось им немалое время повоевать вместе. Уважали его и остальные бойцы отделения, особенно молодые. Лисковец воевал давно, был говорлив и мог многое рассказать и поделиться опытом, что и делал при любом удобном случае. Григорьев ему не мешал, знал: Аркадий хоть и балагур, но плохого не посоветует, и молодым это будет на пользу. Он помнил, как совсем недавно, при освобождении города Брно, попали они под жестокий обстрел, находясь в окопе противника, покинутом хозяевами, из него-то немцы и хотели их выбить посредством мин и снарядов. Особенно туго пришлось недавно призванным красноармейцам Вязовскому и Долгих. Они сидели на дне окопа побледневшие и вздрагивали при каждом взрыве. Вот тогда-то Лисковец и провел с ними воспитательную работу. С невозмутимым видом он сел рядом с молодыми бойцами, достал из кармана колоду карт, сказал: «Чего, суслики, носами в землю уткнулись? Давай в подкидного дурачка сыграем, покуда время есть». Спокойствие Лисковца передалось молодежи, правда, в карты им поиграть не пришлось, но в атаку они пошли без страха...

Лисковец подошел к эсэсовцам, ухватил одного из них за ворот расстегнутого кителя.

– Вставай, морда эсэсовская!

Немец задрал голову, посмотрел на разведчика затуманенным взглядом больших светло-серых глаз, заплетающимся языком изрек:

– Ихь фэрштээ нихьт.

Лисковец глянул на Вязовского.

– Костя, растолкуй фрицу по-хорошему, или я его прикладом вразумлю.

Вязовский терпеливо объяснил пьяному немцу, что от него требуется. Немец согласно закивал.

– Я, я русиш зольдат. Гитлер капут. Хэльфэн зи мир биттэ.

Лисковец снова обратился за разъяснениями к Константину:

– Чего он бормочет?

– Просит помочь встать.

Лисковец бросил на эсэсовца возмущенный взгляд.

– Сейчас я тебе помогу, пьянь гитлеровская! Если не подымишься, голову размозжу. Ферштейн!

Немец непонимающе посмотрел на Аркадия.

– Нихт ферштейн.

Лисковец замахнулся на эсэсовца прикладом автомата. Григорьев остановил:

– Лисковец! Я тебя очень прошу, давай без рукоприкладства. Забирай фрицев, и идите наверх. Нам допрос надо провести.

– Как скажешь, командир, но я бы к нему приложился. С превеликим удовольствием за наших погибших товарищей с ним расквитался. Помню, в сорок первом году мы в контратаку пошли, на таких же вот в эсэсовской форме, они драпанули, мы деревеньку с ходу взяли, как положено, охранение поставили, спать в хатах улеглись, а эти суки среди ночи из подвалов, как тараканы, повылезали и давай в нас тепленьких и сонных стрелять. Потом к ним помощь подошла. Тут уж нам пришлось драп-марш делать в обратном направлении. Много они тогда ребят из нашего батальона положили. Кто знает, может, эти тоже хотели такую подлость совершить...

Григорьев бросил:

– Чего они хотели, это мы сейчас узнаем, а с немцами мы за погибших рассчитались сполна, уже хватит. Веди фрица наверх.

Лисковец нехотя помог немцу подняться на ноги. Эсэсовец, растягивая слова, произнес:

– Данкэ шен.

Аркадий зло плюнул на пол.

– Пристрелил бы гада! Руки вверх! Хэнде хох! Стой спокойно, зараза, надо тебя обыскать, а ну как припрятал гранату, пистолет или ножик. От вас, паразитов, всего можно ожидать.

Немец икнул, послушно поднял руки вверх, пошатываясь, терпеливо стал ждать окончания процедуры обыска. Лисковец зашел со спины, ощупал форменную одежду немца сверху донизу. Оружия у эсэсовца при себе не оказалось. В карманах удалось обнаружить только массивный серебряный портсигар с изображением орла и свастики на крышке, зажигалку и небольшую тубу с таблетками. Аркадий сумел прочитать название на немецком:

– Пер-ви-тин. Командир, похоже, это таблетки, которые фрицы глотают, чтобы сил набраться. Вроде как наши сто грамм перед боем. Только сдается мне, не больно им эти пилюли помогли.

По каменным ступеням загромыхали ботинки жандармов. Франтишек и его сослуживец, озираясь, спустились в подвал, подошли к Григорьеву.

– Вот тебе, Аркаша, и помощники, – старший сержант обратился к Франтишику. – Что у вас?

Из объяснений чеха старший сержант понял, что трое немцев попытались вырваться из дома через черный ход на соседнюю улицу. Им удалось тяжело ранить одного из жандармов, чехи ответили им гранатой. Больше эсэсовцы попыток вырваться из дома не предпринимали. Вскоре стрельба в доме затихла, и за ними пришел Джумагалиев.

Григорьев похвалил повстанцев и попросил помочь рядовому Лисковцу конвоировать пленных эсэсовцев наверх. Жандармы подняли с пола второго пьяного немца, волоком потащили к ступеням. Подопечный Лисковца, подгоняемый частыми тычками и командой: «Шнель, подлюка! Шнель!» – пошатываясь, побрел к ступеням сам.

Когда Аркадий Лисковец и чехи увели пьяных немцев, Константин Вязовский сел на стоявший ребром пустой ящик и приступил к допросу. Разговор с молодым эсэсовцем длился чуть больше трех минут. Григорьев время от времени говорил, о чем надо спрашивать немца. Когда допрос был закончен, Вязовский доложил:

– Их было двадцать, с ними офицер. Они из резервного батальона СС и несли службу в Праге. Ночью с пятого на шестое мая их отрядили для сопровождения и охраны груза. Груз на машинах привезли к этому дому. Часть из них занималась разгрузкой. Позже к ним на помощь пришли одетые в гражданскую одежду немцы-мужчины. Их было пятеро. С ними был и хозяин дома Рудольф Кромбергер. Кромбергер и унтерштурмфюрер Курт Шнайдер, командир отряда, руководили разгрузкой ящиков и складировании их в подвале.

Григорьев бросил взгляд в сторону лежавшего на ступеньках эсэсовского офицера.

– По-видимому, это и есть их командир. Говори дальше, что у фрица выведал.

Вязовский продолжил:

– Двое из гражданских после разгрузки ушли, а трое остались. Им были выданы гранаты, винтовки и патроны из ящиков, которые привезли в машинах. Хозяин дома тоже ушел. Он сказал их командиру, что спрячет семью в надежном месте и вскоре вернется. Но не вернулся. Со слов пленного, им было поручено ожидать машины, которые должны забрать часть ящиков. В случае нападения на дом и возможности их захвата, офицер должен был немедленно взорвать склад с боеприпасами. Здание предполагалось покинуть через черный ход.

Григорьев хмыкнул, сместил взгляд с немца на Вязовского:

– Должен был, да не смог. Спускался с гранатой в подвал. Наверное, хотел пустить здесь все на воздух, только Джумагалиев его остановил. Спроси, почему не ушли?

Вязовский задал немцу вопрос.

– Он говорит, что не было приказа командира, а за неисполнение полагается расстрел. Кроме того, им было приказано до последнего сражаться за Гитлера.

– Скажи, что его фюрера уже нет и воевать не за кого, так как подписан акт о капитуляции.

– Вероятно, они об этом не знали. Радио в доме отключено, кто-то перерезал им провод. Они посылали двоих солдат и одного гражданского на разведку, но те не вернулись. Он говорит, что был на кухне и охранял вход в склад той ночью, когда они в сопровождении унтерштурмфюрера Курта Шнайдера спустились в подвал, некоторое время спустя оттуда вылез только их командир. После этого его сразу же сменили, но он не заметил, что кто-то покидал дом этой ночью через парадный или черный выход.

Григорьев озадаченно посмотрел на Вязовского:

– Что это значит?

– Немец говорит, что, возможно, из подвала тоже есть выход.

– Это интересно... Надо будет проверить.

– Еще он просит не убивать его и не отдавать чехам. Говорит, что пошел воевать не по своей воле. Сетует на то, что командование бросило их на произвол судьбы.

– Скажи, что я расстреливать его не собираюсь, а что с ним будет дальше, не мне решать.

Когда Вязовский перевел, Григорьев сказал:

– Теперь приступим к математике. Немцев было двадцать, с ними офицер и трое гражданских. Итого двадцать четыре. Трое от них ушли. Офицера и еще троих мы положили на первом этаже. Еще троих чехи у черного входа.

– На втором двое убитых, на чердаке один мертвяк и раненый пулеметчик. Еще семерых фрицев плен взяли. Среди них двое гражданских, один из них ранен. К ним еще трое из подвала. У нас только Опанасенко в руку легкое ранение получил, и у Петра Долгих кожу на голове содрало осколком.

– Ничего, от касательного ранения еще никто не умирал. Такие, значит, дела... Неплохая, рядовой Вязовский, у нас с тобой математика получается. Наше славное отделение при помощи доблестных минометчиков и чешских повстанцев захватило склад боеприпасов и оружия, уничтожив при этом десять гитлеровцев, взяв в плен одиннадцать. Так что готовь дырку на гимнастерке для награды.

Вязовский хотел что-то ответить, но в это время в подвал спустился Айдарбек Джумагалиев, по его скуластому лицу расплылась широкая улыбка.

– Товарищ старший сержант, разрешите доложить?

– Докладывай, чего щеришься. Без того глаза узкие, а теперь и вовсе не видно.

– Э-э, глаза узкий, зато трофеев сразу увидел. Там во дворе у ворот машина легковой, ее осколком било, когда немец гранату кидал, а за ней мотоцикл немецкий. Совсем новый. Красавец. М-м. Жаксы. Скакун настоящий. Пойдем скорее, смотреть будем.

Из-за ящиков вышел пулеметчик Красильников.

– Командир, я все проверил. Там взрывчатка лежит, провода какие-то, шнуры, похоже, что немцы готовы были в случае чего склад этот на воздух пустить. Провода спрятаны так, что с первого раза не заметишь, и ведут к пустой бочке. Я ее трогать не стал, мало ли.

– Ничего не трогай, саперы придут, разберутся. Немцы могли здесь «подарки» оставить, они на это способные. Что еще обнаружил?

– Тут целый арсенал. Есть винтовки, автоматы, штук пять «косторезов». К ним боеприпасы.

– Это хорошо.

– Неплохо было бы один МГ-42 себе у ротного выпросить.

– На кой черт он тебе сдался, все равно войне конец? Скорее всего, это наш последний бой. Так что, Миша, пакуй чемоданы.

– Верно. Все никак не привыкну. Хотя для нас, как я погляжу, война пока еще не кончилась. Немец-то, стервец, огрызается.

– Ничего, скоро мы ему зубы окончательно выбьем, огрызаться нечем будет.

– Если посмотреть на то, сколько они тут приготовили, то есть чем огрызаться. Здесь одних гранат ящиков двадцать, не меньше, кроме того, взрывчатки ящиков десять, один ящик готов к применению, а еще фаустпатроны. И харч имеется. Там тебе и консервы разные, с рыбой и с ветчиной, и галеты, и кофе в тубике с сахаром и молоком, и брикеты с концентратом. По-моему, суп гороховый. Кроме эрзаца есть и хозяйские запасы: колбаса, сыр и закрутки, варенья да компоты, а еще бумажки какие-то. Это, наверное, чтобы ими фрицам задницу подтирать.

Григорьев насторожился:

– Какие бумажки?

– Обыкновенные. В ящиках, в папках лежат.

Старший сержант встал с ящика, махнул рукой Вязовскому.

– Пойдем, Константин, посмотрим, что это за бумаги.

Айдар Джумагалиев недоуменно посмотрел на Григорьева.

– Командир, зачем бумаги? Пойдем мотоцикл смотреть.

– Джумагалиев, угомонись! С твоим трофеем мы немного позже разберемся, а ты пока отведи допрошенного немца к Лисковцу, – и, обратившись к Красильникову, бросил: – Миша, показывай, где твоя находка?

Красильников подвел разведчиков к стопке деревянных ящиков, осторожно открыл крышку верхнего.

– Вот здесь, смотрите.

Григорьев осветил трофейным немецким фонариком содержимое.

– Похоже, документы. Константин, глянь, что на них написано.

В ящике лежали папки, на каждой изображение орла со свастикой в когтях. Вязовский взял одну из них, открыл, пробежал глазами по написанному на немецком языке тексту, положил обратно в ящик. Осмотрев еще несколько папок, обернулся к Григорьеву.

– Думаю, что документы важные, на всех папках гриф «секретно».

– Поэтому фрицам и был дан приказ уничтожить склад, а вместе с ним и документы.

– Не зря их сюда перевезли, место тихое, вряд ли кому придет в голову, что в простом доме могут храниться важные бумаги.

– Вот это меня и беспокоит... Интересная картина получается. Похоже, что провода тянутся не к бочке, а в подземный ход, о котором было известно только хозяину дома, командиру эсэсовцев и троим немцам, покинувших дом с его помощью. По всей видимости, все остальные знали только о двух выходах из дома и поэтому были обречены на смерть, а их командир в случае опасности должен был через подвал проникнуть в тайный подземный ход, взорвать склад вместе с домом и своими подчиненными, а потом целым и невредимым покинуть этот район. Совершить задуманное ему помешал Джумагалиев, но кто знает, может, еще какая сволочь сидит в подземном ходе и в любую минуту готово отправить нас на небеса... Так что надо попробовать осторожно отодвинуть бочку и пробраться в подземный ход, не дожидаясь саперов. Понимаю, что дело рискованное, да и погибать сейчас никому не охота, но и медлить мы не можем. Поэтому принимаю решение: всем покинуть здание и отойти на безопасное расстояние, а я останусь здесь. Если все нормально, я сообщу.

Вязовский шагнул к Григорьеву.

– Товарищ старший сержант, прошу разрешить остаться с вами.

Александр отрезал:

– Нет.

Вязовский хотел сказать что-то еще, но в это время в углу послышалась возня, пустая бочка, к которой вели провода от взрывчатки, зашевелилась и опрокинулась. Мотоциклисты взяли оружие наизготовку. Бетонная плита размером полметра на полметра, на которой прежде стояла бочка, приподнялась и отодвинулась в сторону, открывая лаз, из которого раздался знакомый голос: «Не стреляйте! Свои!» – а затем высунулась голова в красноармейской пилотке. К немалому удивлению разведчиков, это была голова Мельникова. Увидев сослуживцев, его морщинистое лицо расплылось в улыбке. Красильников матерно выругался, добавил:

– Вот, чертяка, напугал, мы же тебя чуть не шлепнули. А вдруг бы вместо нас здесь немцы были?

– Обижаешь. Я охотник бывалый. Прежде чем вылезти, я притаился, прислушался, а уж когда ваши голоса услышал, наверх полез.

– Ты как там оказался?

Мельников вытащил винтовку, положил на пол, затем вылез сам. Отряхнувшись, стал говорить:

– Товарищ старший сержант приказал мне осмотреть здание, вот я и стал проверять квартиры. Их четыре оказалось, по две на каждом этаже. На первом мне старушка дверь открыла, а вторая квартира закрытой оказалась, только я шорох внутри услышал. Постучал, не открывают, я дверь и вышиб. Гляжу, в окно гражданский выпрыгнул, я к окну, а его будто и не было. Потом огляделся, в углу комнаты подвал открытый. Прислушался, внизу тихо. Я в него лезть не стал, крышку закрыл, да на всякий случай гранатку к ней приспособил, если немец какой надумает оттуда вылезти, так будет ему подарок. После проверил две оставшиеся квартиры, чердак, выбрал место и вам сигнал подал. Когда стрельба закончилась, я подарочек с крышки подвальной убрал и осторожно вниз спустился, а там ход подземный, низкий такой, узкий. Вот я и решил разведать. Полусогнутым сюда и добрался, а как ваши голоса услышал, понял, что ход привел меня в подвал дома, который нам приказано было взять.

Григорьев наставительно произнес:

– Твои действия, Василий Матвеевич, как разведчика, считаю неправильными. Вначале надо было доложить об обнаружении подземного хода.

– Виноват, товарищ старший сержант...

Красильников почесал затылок.

– Получается, знай мы об этом подземном ходе, то можно было бы немцев из подвала накрыть.

– Это как получилось бы, но, сдается, что мои мысли были правильными, и если б эсэсовский офицер успел привести в действие взрывное устройство, то нам не поздоровилось бы. Возможно, что это хотел сделать человек в гражданском, скорее всего тот, который, со слов допрошенного немца, ушел с двумя эсэсовцами в разведку, но Мельников его спугнул. Главное, что все обошлось. Задачу мы свою выполнили, трофеи раздобыли, будет что командованию предъявить. Придется тебе, Вязовский, сегодня еще одну дырку сверлить для награды. Вернешься в свою Москву весь в орденах да медалях, а ты боялся, что война кончается, а ты еще ни одной награды не получил... Слушай, я вот что хотел у тебя спросить, почему ты с таким хорошим знанием немецкого языка в переводчики не попросился?

Вязовский ответил шутливым тоном:

– Из-за наград, товарищ старший сержант.

Только что присоединившийся к ним Лисковец недовольно покосился на молодого бойца:

– Награды им подавай. Нас в первые годы войны не больно наградами жаловали, а мы больше вашего пережили.

– Шучу я. Если серьезно, то боялся, что отправят меня в штаб с документами работать или пленных допрашивать, а то и вовсе в тылу отсиживаться, а я воевать хотел, за брата мстить. Он в сорок первом погиб...

– Ну и зря, переводчики в армии нужны. К твоему сведению, они не только в штабах сидят, их даже в тыл к немцам с диверсионными группами забрасывали. Сам тому свидетель. И что бы мы сейчас без тебя делали? Кто бы эсэсовца допрашивал? Гургенидзе, Джумагалиев или Опанасенко? Думаю, что фриц грузинский, казахский и украинский языки не знает.

– Я это сразу понял, как в батальоне очутился, поэтому и раскрыл свое знание немецкого языка, чтобы к вам в разведку попасть.

– Ишь ты, – встрял в разговор Аркадий Лисковец, – а я в свое время в разведку подался из-за жратвы. У разведчиков дополнительный паек, а мне уж так сильно кушать хотелось. Тогда для меня две главные задачи были: поспать и пожрать.

– Я о еде не думал. Меня ведь, когда на службу забирали, в противовоздушную оборону хотели определить. Вы сами знаете, как остряки ПВО расшифровывают: «Пока война – отдохнем, после войны – отработаем». ПВО, конечно, дело нужное, но там возможности сойтись с врагом лицом к лицу мало, а война заканчивается. Я тогда рассказал, что до войны некоторое время занимался мотоспортом в обществе «Динамо», вот и попал в мотоциклетный батальон. Я вообще технику люблю, хочу после войны в механико-машиностроительный институт имени Баумана поступать.

– Понятно, молодец. Добился, значит, чего хотел. Это хорошо, а теперь возьмите с ефрейтором Красильниковым из трофея чего-нибудь перекусить и поднимайтесь вверх. Надо червячка заморить. Я чувствую, что наша полевая кухня теперь не скоро до нас доберется.

Красильников, провожая взглядом командира, сказал:

– Взять-то возьмем, только сначала на хозяйской собачонке, которая во дворе лежит, проверим, а то фрицы могут еду отравить, с них станется.

– Не получится, собачонка совсем мертвая лежит. Джумагалиев ее в расход пустил, когда она на него бросилась. Пес, видать, обученный был, если стрельбы и взрывов не испугался...

Григорьев устало поднялся по ступеням, громко крикнул:

– Джумагалиев! Ты где?

Айдарбек выбежал из соседней комнаты.

– Здесь я, товарищ старший сержант. Кишкентай бобек убирал на улицу.

Александр удивленно посмотрел на казаха:

– Кого?

– Офицера немецкого, которого я убил. Это будет пятый, которого я, как говорит Лисковец, уколошил своими руками. У казахов есть детская считалка, на пальцах, – Айдарбек начал по порядку загибать пальцы на левой руке, начиная с большого. – Бес бармак, балан уйрек, орган терек, шылдыр шульмек, кишкентай бобек. Вот и получается, что этот пятый немец – кишкентай бобек.

– Бог с ним, с твоим кишкентаем, показывай свой трофей.

Джумагалиев махнул рукой.

– Пойдем, товарищ старший сержант, покажу.

Разведчики неспешно вышли во двор, подошли к стоявшему неподалеку от ворот четырехдверному автомобилю «Шкода», бежевого цвета. Григорьев погладил капот автомобиля.

– Хороша машинка. Чехи делали.

– Э-э, зачем тебе эта машина? Сюда смотри, товарищ старший сержант, – Джумагалиев указал на мотоцикл серо-зеленого цвета.

Григорьев подошел к мотоциклу:

– А это старый знакомый. Немецкий. «Цундап» называется. Теперь, похоже, на нем поехать не придется. Такой трофей домой бы увезти.

Джумагалиев шмыгнул носом.

– Лучше швейную машинку «Зингер» возьми и иголки для нее, а мотоцикл как повезешь?

– Эх, Джумагалиев, наивный ты человек. Кто ж мне его разрешит взять? Генералам и офицерам, может, и перепадет, а нам не положено... Ладно, Бог с ними, с трофеями. Сейчас для нас главное – самим живыми домой вернуться. Нашему возвращению родные и без трофеев обрадуются.

– Правильно говоришь, командир. Я тебе тоже обрадуюсь, если после демобилизации ко мне в Казахстан в гости приедешь. Я для тебя барана зарежу, будешь в нашей юрте на почетном месте сидеть, бешбармак кушать, кумыс и айран пить. Апа тебе баурсаки сделает, я на домбре играть буду, мой дядя акын для тебя петь будет. Э-э, ты знаешь, как он поет? М-м, вся степь замирает, чтобы его слушать. Приедешь?

– Почему бы и нет, если не передумаешь.

– Э-э, зачем так говоришь, товарищ старший сержант? Ты для меня, как старший брат. Сколько раз меня в бою выручал. Ты мне теперь самый лучший друг. У нас говорят: «Агаш тамырымен, адам досымен мыкты».

– Чего?

– Дерево крепко корнями, а человек – друзьями.

– Правильно говорят. Ты на меня не обижайся, Айдарбек, шучу я. Если все нормально будет, то обязательно к тебе в гости приеду.

– Обещаешь?

– Обещаю, слово гвардейца тебе даю.

Казах обратил взор к небу, вполголоса произнес:

– Иншааллах, пусть так и будет.

Григорьев хлопнул Джумагалиева по плечу.

– Будет, Айдарбек, обязательно будет, а сейчас пойдем, возьмем склад и здание вместе с пленными под охрану, выпьем по чарке, перекусим и будем ждать командование.

Перекус получился сытным, к своим запасам разведчики добавили трофейные продукты и по стакану вина из подвала. Непьющему Петру Долгих налили кружку вишневого компота из закатанной стеклянной банки, добытой там же в подвале.

Григорьев выпил за победу, но сидеть с бойцами своего отделения не стал, усталость одолевала, а потому он пошел отдыхать в комнату на втором этаже. Это был скромных разме-

ров кабинет, в правом углу которого стоял массивный резной шкаф темного дерева со стеклянными дверцами, у стены слева – темно-коричневый диван из кожи, центр занимало такого же цвета кожаное кресло и столь же массивный, как и шкаф, стол, к которому приткнулись два стула с высокими резными спинками. На одной половине покрытого синим сукном стола стояли полупустая бутылка вина, три бокала, чашка с недопитым кофе, ваза с печеньем, раскрытая плитка шоколада, тарелка с нарезанными кружочками колбасы и набитая окурками жестяная банка из-под консервов. Здесь же рядом, у лампы с сиреневым абажуром, лежала разбросанная колода игральных карт и фотографии с обнаженными девицами.

«Ишь, развлекались тут, сволочи... Ну ничего, теперь им не до развлечений будет», – подумалось Александру.

Вторая половина стола была занята аккуратно сложенными стопками исписанной бумаги. Несколько листов валялись и на паркетном полу вместе с десятком пустых бутылок. Григорьев зевнул и направился к дивану. Обутая в кирзовый сапог нога наступила на что-то твердое. Старший сержант глянул под ноги. С дубового паркетного пола на него смотрело одутловатое лицо с маленькими цепкими глазами, тонкими губами и щеточкой усов под большим носом. Григорьев брезгливо отдернул ногу. Видимо, кто-то из бойцов его отделения успел скинуть фюрера со стены. Александр с ненавистью отшвырнул портрет Гитлера в деревянной рамке носком сапога. Адольф заскользил по паркету и исчез под шкафом.

– Вот так будет лучше. Чтобы глаза не мозолил, гад, – удовлетворенно произнес Григорьев, подошел к дивану, закинул полосатый черно-красно-белый шерстяной плед на кожаную спинку, изможденно сел, снял сапоги. Муторный запах портянок и потных ног ударил в нос. Что ж, ему не привыкать. За время, проведенное на фронте, всякого пришлось понюхать. Знаком был запах пота, немытого тела, пороха, горький запах дыма костров и пожарищ, металлический запах крови и тошнотворный запах разлагающихся мертвых тел. Теперь ощутил он и запах долгожданной победы. Размотал портянки, лег на диван, положил голову на круглый кожаный подлокотник, блаженно вытянул ноги. Усталость, накопившаяся за дни стремительного и тяжелого наступления на Прагу, когда в день приходилось с боями преодолевать от тридцати до пятидесяти километров, а порой и более того, без нормальной еды, сна и отдыха, придавила к дивану. Александр повернулся на бок, прикрыл отяжелевшие веки. Отчего-то вспомнились боевые товарищи. Те, кому не довелось дожить до победы. К сладостному чувству добавился привкус горечи. Вспомнились и закадычные друзья: рыжеволосый детина, драчун и заводила Тимоха Великанов, лопоухий весельчак, сухощавый и малорослый Максимка Плотницын и черноволосый с большими темно-кариими глазами Лева Багдасарян. Четвертым в их компании был он – Александр Григорьев...

* * *

Все четверо росли на самой окраине Ростова-на-Дону, на одной улице, все четверо ходили в одну школу и в один класс, вчетвером слышали и сообщение о начале войны. Этому способствовала ссора Левы Багдасаряна с Севкой Зиновьевым по кличке Рябой, и произошла она из-за глазастой девятиклассницы с каштановыми вьющимися волосами, которую звали Соня Бернштейн. Левка был младше, но уже давно смотрел на нее с обожанием. Случай признать ей в своих чувствах подвернулся двадцать первого июня. Для этого Левка подбил друзей сходить в школу на вечер выпускников. Охочие до приключений товарищи согласились без долгих раздумий.

У входа в здание дежурили два десятиклассника и преподаватель военного дела и физкультуры Федор Филипович. Выждав момент, когда учитель отошел, Левка с друзьями двинулся к входу в школу. Перед дверями их остановил шуплый десятиклассник в очках.

– Стойте, вам сюда нельзя. Малы вы еще ходить на вечера выпускников.

Вперед выступил Великанов. Тимофей был на полголовы выше низкорослого десятиклассника. Посмотрев на него сверху вниз, угрожающе изрек:

– Это кто мал? Снимай очки, пойдем за угол, посмотрим, как ты со мной справишься.

Второй десятиклассник, высокий, атлетически сложенный, поспешил уладить конфликт. Оттеснив одноклассника плечом, он протянул ладонь Великанову.

– Здорово, Тимоха!

– Здорово, Витек! Как дела?

– Как видишь, школу закончил, теперь в Москву собираюсь ехать, в техникум поступать. Тимофей кивнул на щуплого десятиклассника.

– Ты бы успокоил дружка своего, нам в школу зайти очень надо.

Витек повернулся к товарищу.

– Женька, пропусти его. И друзей его тоже. Мы с ним вместе боксом занимались.

Женька посторонился, пропуская компанию.

– Только смотрите, ведите себя тихо и не попадайтесь лишний раз на глаза преподавателям, а то нам из-за вас влетит.

Памятуя о его напутственных словах, вошли в зал, где как раз начался выпускной бал. Левка времени не терял и первым пригласил Соню на танец. Она не отказала, так как выяснилось, что он ей тоже нравился. Они даже договорились, что следующий танец снова будут танцевать вместе, тогда же Левка намеревался назначить ей свидание на завтра, но этому не суждено было сбыться.

Как оказалось, Соня Бернштейн нравилась не только Лева Багдасаряну, но и ее однокласснику Севке Рябому. Соня никаких чувств к Севке не питала, но это его мало волновало, и он надеялся все равно добиться ее расположения в этот вечер, однако в его планы неожиданно вмешался соперник. После завершения танца Севка не замедлил подойти к Лева. Прищурив серые колючие глаза, прошипел:

– Слушай меня внимательно, щенок кучерявый. Бери своих дружков и быстро мотайте отсюда подбодру-поздорову! И чтобы я тебя больше рядом с Сонькой не видел. Понял?

Связываться с Севкой осмелился бы не каждый, он был известным хулиганом, задирой и умелым драчуном, которого многие побаивались. Прозвище Рябой он получил из-за рябого лица – последствия перенесенной в детстве оспы. Но и Левка был не робкого десятка, ни внешность, ни возраст, ни сила, ни слава противника его нисколько не испугали. Лицо Багдасаряна побледнело, не отводя взгляда, он произнес:

– Не понял...

Севка хищно ощерился:

– Тогда пеняй на себя. Пойдем, выйдем, на улице поговорим.

Левка знал, что разговор с Севкой скорее всего закончится дракой и его избиением, но отступить среди друзей было не принято. Он собирался направиться к выходу, когда ладонь Великанова легла на плечо Севки.

– Со мной поговорить не хочешь?

Великанову слава Севки тоже была не страшна, ему и своей хватало. Тимоха и сам был драчуном и хулиганом. Было время, когда он связался с ростовской шпаной, среди которой стал курить, научился блатным словечкам и умению владеть ножом, чему позже научил и друзей. Дружба с преступным элементом могла в скором времени привести Великанова-младшего за решетку, но о его пристрастиях узнал отец. Серьезный разговор с родителем, орденоносным ветераном Гражданской войны и весьма уважаемым человеком, уберег его от этого. Тимофей хорошо запомнил слова бати: «Если очень хочешь кулаками махать, тогда иди заниматься боксом». Вняв словам родителя, он стал больше времени проводить в спортивном зале, бросил курить, и в скором времени его лучшими друзьями стали одноклассники и соседи по улице – Сашка, Левка и Максимка, а за них он всегда стоял горой.

Севка резко стряхнул с плеча руку Тимофея, обернулся, смерил его взглядом.

– Отчего не поговорить, поговорим.

Рябой его узнал, слухи о Тимохе Великанове дошли и до него, помериться силами с таким соперником было бы неплохо. Севка оттолкнул Левку плечом и первым направился к выходу. За ним увязались еще двое дружков. Кто-то из его класса спросил:

– Вам помочь?

Рябой бросил небрежный взгляд на Великанова и его друзей.

– Без вас с салагами справимся.

Минуя дежурных старшеклассников и учителя Федора Филиповича, вышли во двор, завернули за угол школы.

Разговаривать долго не стали. Тимоха, с улыбкой на лице, пошел на Севку первым, Левка, Максимка и Александр набросились на дружков Рябого. Те, не ожидая такого натиска, попятись, но вскоре опомнились и сами стали наседать на друзей. Дрались молча. В густеющем вечернем сумраке слышались глухие удары, частое сопение, прерывистое дыхание и топот ног. Изредка раздавались стоны и хрипы. Однако хорошей драки до победного конца не получилось.

– Сейчас же прекратить безобразие! – Громкий крик преподавателя военного дела и физкультуры заставил их разбежаться в стороны. Ослушаться сурового ветерана Халхин-Гола, награжденного боевой медалью, было себе дороже.

Тимофей с друзьями бросился бежать к забору, а Севка с товарищами – к открытым воротам. Перемахнув через преграду, друзья услышали от ворот гнусавый крик Рябого:

– Завтра договорим! Приходите в полдень к затопленной барже!

Великанов, ощупывая подбитый левый глаз, басовито ответил:

– Ждите! Придем, договорим!

Из-за забора неожиданно высунулась голова Федора Филиповича.

– Я вам сейчас договарю... А ну быстро по домам!

Учителя пришлось послушаться. Разошлись по домам, чтобы вновь встретиться завтра и дать отпор Севке Рябому и его дружкам...

Утром Александр чувствовал боевой задор, наспех размялся, сделал несколько физических упражнений, поколотил кулаками по висящему в сарае джутовому мешку, наполненному песком, сеном и опилками, позавтракал и направился к дому Великановых. Оттуда всей компанией и пошли на берег Дона к затопленной барже, где должна была состояться встреча с переходом в драку. По пути наткнулись на большую толпу людей, которые собрались около деревянного телеграфного столба. Друзья остановились. Любопытный Максимка Плотницын не преминул спросить у бородатого мужчины в засаленной кепке:

– Что случилось, дядя?

Бородач глянул на Максимку, задрал голову, посмотрел на радиорепродуктор, закрепленный наверху столба.

– Сейчас будут передавать какое-то важное правительственное сообщение.

Максимка обернулся к друзьям.

– Может, послушаем? Севка подождет, куда он денется.

Друзья с предложением Максимки согласились, а через минуту из громкоговорителя раздался голос народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу...»

– Война пришла, – хрипло проронил бородатый мужчина и полез доставать подрагивающими от волнения пальцами папиросу из пачки.

Голос из репродуктора продолжал вещать: «...без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие...»

Сухоньякая старуха в пестром, повязанном под подбородком платке всплеснула руками:
– Господи! Беда-то какая!

Рядом навзрыд заплакала дородная женщина средних лет. Когда речь Молотова закончилась, бородач снял засаленную кепку, утер со лба пот, покосился в ее сторону:

– Будет голосить! Чего воешь, как белуга, будто мы войну уже проиграли? Сказано, что наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!

Старуха бросила на него укоризненный взгляд, тихо сказала:

– Сынок у нее на границе с Германией служит...

К берегу Дона шли молча. Севка Рябой ждал их на условленном месте, с товарищами. Только их теперь было трое. «Туго нам сегодня придется», – промелькнуло в голове у Александра Григорьева, но драки в этот раз не случилось. Севка первым протянул раскрытую ладонь Великанову, спросил:

– Слышали сообщение?

Тимофей пожал протянутую руку.

– Слышали.

– Я вот чего думаю: нам теперь не друг друга бить надо, а немцев.

С Рябым согласились все. С тем и разошлись в ожидании дальнейших событий, а они развивались стремительно. Враг наступал, части Красной армии оставили Брест, Гродно, Вильнюс, Минск, Ригу, Псков, Житомир...

* * *

В начале июля проводили на войну Андрея, старшего брата Максимки Плотницына. Провожали с песнями и плясками. Под зазорные переливистые звуки саратовской гармонии двадцатипятилетний Андрюха громко успокаивал мать:

– Не бойтесь, маманя! Долго ждать не придется. Сейчас резервы подтянем и врежем немцам. Так что не пройдет и месяца, вернусь обратно.

Через месяц Андрей не вернулся. Не было от него и вестей, однако вести с фронта приходили по большей части невеселые. Врезать немцам и быстро закончить войну пока не удавалось, а она, злодейка, продолжалась, каждый день унося все новые жизни. Для четверки друзей она зримо пришла, а точнее – прилетела с немецким бомбардировщиком в конце июля сорок первого. Они слышали, как в городе раздалась первые взрывы. Позже узнали, что немецкий летчик разбомбил двухэтажный дом и пытался разрушить мост. На следующий день ушел на фронт Баграт, отец Левы Багдасаряна, а через месяц его дядя Арам. Туда же стремились и друзья. Однако осенью фронт сам приблизился к городу, вместе с быстро наступающей немецкой армией, участвовавшими бомбежками и беженцами. Друзья бросились к призывному пункту в надежде стать бойцами Красной армии. Лысоватый военный в круглых очках объяснил:

– Я понимаю, что вы сдали нормативы ГТО, умеете стрелять, метать гранаты и горите желанием идти защищать нашу Советскую Родину. Однако придется подождать, наступит ваше время, пойдете воевать с врагом, а куда вам еще и семнадцати, а некоторым даже и шестнадцати не исполнилось, то будет лучше использовать ваш энтузиазм и силу для строительства оборонительных сооружений. Этим вы окажете неоценимую помощь нашей стране.

Поскольку возможности попасть в ряды бойцов Красной армии в то время у друзей не было, они отправились рыть противотанковые рвы и окопы, а защищать родной город от врагов в составе триста тридцать девятой Ростовской стрелковой дивизии ушел отец Тимофея Великанова.

Спустя две недели в деревянном добротном доме семьи Великановых, прежде принадлежавшем зажиточному ростовскому мещанину, появились постояльцы – десяток бойцов инженерных войск. Командовал ими высокий худой лейтенант по фамилии Добровольский, человек веселого нрава и доброй души. К великой радости друзей, у него был мотоцикл ТИЗ, на котором в свободное время он учил их ездить. Вскоре все четверо умели водить двухколесную машину. В благодарность они приносили бойцам наловленную в Дону рыбу. Мать Тимофея, тетя Зина, готовила им уху, иногда борщ, угощала молоком (благо, коза Машка исправно его давала). Они в благодарность помогали по хозяйству. Бралась она и за стирку. Жалела солдатиков, часто вспоминала ушедшего на фронт супруга, горько вздыхала, а когда пришла пора прощаться с постояльцами, пустила слезу и долго глядела бойцам вслед печальным взглядом. Словно чуяла беду.

Она черная пришла в середине ноября вместе со злыми холодными ветрами, первым снежком и Анатолием Бахаревским, коллегой Тимошкиного отца, вместе с которым тот ушел на фронт. Он-то и рассказал, что в сентябре воинская часть, в которую они попали, располагалась в бывших казачьих Персиановских лагерях, что под Новочеркасском, а в октябре их, кое-как вооруженных, бросили против немцев к реке Миус. Там-то вскоре и сложил голову Прохор, отец Тимофея. Сам Анатолий был ранен в руку и отправлен в ростовский госпиталь, откуда по выздоровлении и пришел в дом Великановых с горькой вестью. Тетя Зина слегла в тот же день...

Теперь тайную задумку самовольно уйти на фронт друзьям пришлось отложить, так как Тимофей не мог позволить себе бросить больную мать на попечение двенадцатилетней сестренки Анютки. Теперь все четверо друзей были без отцов. Отец Александра Григорьева тоже погиб, только в тридцать девятом, во время войны с финнами, Левкин отец был на фронте, а батя Максимки Плотницына утонул по пьянке в Дону десять лет назад, потому уже пятый год он жил с отчимом дядей Жорой.

Беда не приходит одна. Девятнадцатого ноября немцы вплотную подошли к Ростову-на-Дону. Бои гремели там, где совсем недавно друзья копали противотанковые рвы в надежде, что они помогут остановить врага. Рвы сдержать немецкую армаду не смогли. Канонада приближалась с каждым часом. Теперь друзьям было не до школы и иных юношеских забот и забав. Вечером того же дня Максимка принес новость, что будто бы немцы захватили железнодорожный мост. С наступлением следующего дня по их улице поехала техника и нестройными колоннами потянулись отступающие красноармейцы.

На время налеты немецкой авиации почти прекратились. Александр надеялся, что немцы не войдут в город, однако вечером стрельба уже слышалась со стороны вокзала. В тот же день он узнал от всезнающего Максимки о том, что переодетые в красноармейскую форму диверсанты устраивали в городе взрывы и поджоги, проникли на железнодорожную станцию, обливали вагоны керосином и поджигали их, а потом на вокзале началась перестрелка, в которой погибли несколько гражданских. Узнал и о том, что враги рвутся к центру. С наступлением ночи в той стороне стали видны багряные всполохи пожаров.

Утром в городе снова наступило относительное затишье, Александр заметил, что поток отступающих красноармейцев значительно уменьшился. Бойцы – утомленные, в грязных шинелях, некоторые с кровавыми повязками – бросали угрюмые, а порой и смущенные взгляды на четверых стоящих у ворот подростков, а они в свою очередь с горечью взирали на представителей Красной армии, о которой в предвоенных песнях пелось, что она всех сильнее. Однако сейчас сильнее оказалась армия неприятеля. Сильнее на земле и в небе. Оттуда, с неба, и свалились на отходящих красноармейцев, словно коршуны на добычу, три немецких бомбардировщика. По команде «Воздух!» строй рассыпался. Бойцы заматались по улице, несколько красноармейцев открыли ворота, забежали во двор к Великановым. Туда же загнали и пароконную повозку. Усатый сержант бросил на юношей суровый взгляд, гаркнул:

– Вы чего столбами встали? Быстро во двор! Ложись, мать вашу!

Они бросились на землю тут же, у раскрытых ворот, рядом с собачьей будкой, куда поспешил спрятаться Волчок, похожий на шпица светло-серый пес Великановых. Сержант остался стоять. Александр повернул голову, увидел в двух шагах от своего лица его перепачканные грязью разбитые ботинки и ноги в обмотках. Посмотрев выше, он увидел, как сержант сдвинул на затылок шапку-ушанку, рывком скинул с плеча винтовку, расставив широко ноги, прицелился и выстрелил в небо, туда, откуда с оглушающим гулом стремительно приближался вражеский самолет. Гул нарастал. Сержант досадливо выругался, сноровисто перезарядил винтовку, выстрелил еще раз. С улицы раздались несколько винтовочных выстрелов и частый стрекот ручного пулемета. Красноармейцы пытались сбить немцев из стрелкового оружия, но безуспешно.

Немецкие летчики ответили им пулеметными очередями и бомбами. Замолк ручной пулемет на улице. Одна из очередей сразила усатого сержанта. Он замертво рухнул рядом с Григорьевым. Александр надолго запомнил грязно-серую шапку-ушанку в луже крови, окровавленные жидкие светло-русые с проседью волосы, остекленевшие серые глаза сержанта и его открытый рот с редкими пожелтевшими от курева зубами... Так воочию, в полуметре от себя, он впервые увидел смерть...

Спустя секунду раздался жуткий вой, ухнуло в соседнем дворе. Взрыва не последовало, немцы сбросили с самолета дырявую бочку. Настоящая бомба взорвалась у сарая Великановых. В воздух полетела кровля, бревна, доски, земля и белая коза Машка.

Когда самолеты улетели, Тимофей бросился к дому. За ним поспешили Сашка Григорьев, Лева Багдасарян и Максимка Плотницын. К счастью, мать Тимофея и его сестренка Анютка не пострадали, но несколько стекол в окнах дома выбило от взрыва. Лишилось семейство и любимой козы Машки. На столе стояла крынка с ее молоком, которое Анютка надоила рано утром. Гневно вымолвив: «Сволочи!», – Тимофей вышел из дома и направился к воронке. За ним потянулись его друзья.

Мертвая коза лежала в нескольких метрах от разрушенного наполовину строения. Максимка предложил:

– Тимоха, а может, ее на мясо пустить, пока теплая?

Тимофей отвел взгляд от окровавленной белой шерсти козы, посмотрел на трех бойцов, присевших у тела убитого сержанта, затем в сторону дороги:

– Не до козы сейчас. Красноармейцам помочь нужно. Мертвые там, раненые.

Друзья послушно двинулись за предводителем. С улицы, из-за тына, слышались стоны и крики, кто-то сипло отдавал приказы:

– Санитаров ко мне! Грузите убитых и раненых на машину! Где лейтенант Урванцев? Где орудие? Почему еще не подъехали?!

Молодой запыхавшийся от бега голос отвечал:

– Товарищ старший лейтенант, грузовик с орудием немцы разбомбили! Я замыкающим шел, своими глазами видел. Они даже до крайних домов доехать не успели...

– Черт! Подгоняй сюда повозку! Быстрее! Нам через час надо быть на левом берегу Дона! В первую очередь грузите убитых, на них раненых положите!

Друзья вышли со двора. На улице в грязи и крови лежали убитые и раненые красноармейцы, не пострадавшие бойцы собирали тела и складывали в запряженную двумя худыми каурыми лошадками повозку. Григорьева толкнули в спину:

– А ну, парень, посторонись.

Александр торопливо сделал шаг в сторону. Красноармейцы вынесли из двора Великановых тело усатого сержанта.

– Мне кажется, что здесь и без нашей помощи обойдутся, – промолвил Лева Багдасарян. Максим встрепенулся:

– Вы слышали, что они говорили про машину с орудием, которую немцы разбомбили? Может, там наша помощь сгодится?

Тимофей одобрительно хлопнул Плотницына по плечу:

– Молодец, Максимка! Смекнул. Побежали туда!

Друзья стремглав помчались к концу улицы.

Изуродованная взрывом полуторка стояла на дороге, уткнувшись фанерной кабиной в воронку в двухстах метрах от крайнего дома. Кабина горела, рядом лежало тело красноармейца в шинели, еще одно тело свисало с деревянного борта грузовика.

Александр пригляделся – прицепленное к машине орудие, по всей видимости, не пострадало. Рядом с ним возились еще два бойца. Сухощавый младший сержант и носатый курчавоволосый красноармеец без головного убора склонились над молодым лейтенантом. Лейтенант лежал на шинели, под головой ушанка, низ гимнастерки и рубаха были задраны на грудь, на левом боку буроватой кровью сочилась рваная рана. Голова лейтенанта была перевязана, теперь бойцы пытались перевязать рану на боку. Появление юношей их отвлекло. Младший сержант бросил на них строгий взгляд.

– Кто такие? Чего вам здесь?

Тимофей на миг замялся:

– Мы, мы, это... Мы живем здесь рядом. Пришли вам помочь.

Младший сержант закончил перевязку.

– Помочь, говорите... Что ж, это хорошо. Давайте лейтенанта в сторонку оттащим, – красноармейцу без головного убора он приказал: – Савелий! Прыгай в кузов! Доставай последний ящик со снарядами, пока не рванул. Федорова и Липатова тоже, а то сгорят, похоронить по-человечески не сможем. Брезент не забудь! Потом водителя оттащим.

Когда тела трех погибших бойцов, боеприпас и сорокапятимиллиметровое орудие оказались на безопасном расстоянии от пылающей машины, лейтенанта бережно переложили на брезент, укрыли шинелью. Лейтенант застонал, приоткрыл глаза, едва слышно попросил:

– Дайте пить.

Младший сержант присел на корточки, бережно, по-отцовски поправил шинель на лейтенанте, помотал головой.

– Извини, командир, нельзя тебе воды с такой раной.

Лейтенант жадно сглотнул слюну, сдерживая стон, прикусил нижнюю губу, снова прикрыл глаза. Курчавый красноармеец по имени Савелий вытянул шею, приложил ладонь к уху, бросил взгляд вдоль дороги.

– Товарищ младший сержант! Кажется, немцы...

Младший сержант встал, прислушался. Издали доносился рокот моторов. Внимательно глянув в сторону, откуда наступали немцы, констатировал:

– Они, стервецы.

– Что делать будем?

– Встречать гостей незваных. Или ты против?

Савелий замотал курчавой головой.

– Нет, я с тобой.

– Вот и ладненько. Значит, здесь и примем свой последний бой. Дадим батальону время от гансов проклятых оторваться, за Дон уйти, а заодно за ребят наших погибших поквитаемся. Жалко, что предать земле их не успеем, – младший сержант посмотрел на Великанова и его друзей. – Вот они похоронят всех, после боя. А сейчас берите, ребятки, лейтенанта и бегом отсюда. Большая у меня к вам будет просьба, вы уж спрячьте нашего командира от немцев в хате хорошенько, ему еще жить надо. Хороший парень. Молодой совсем, чуть постарше вас.

Тимофей решительно заявил:

– Мы вернемся. Отнесем лейтенанта и придем вам помогать.

– Полагаю, что вам этого делать не надо. Без вас, архаровцев, справимся. Толку от необученных будет немного, только зря поляжете, а вот если командира спасете, то за это будет вам от нас и от всей Красной армии большая благодарность. Так что бегите, нам к бою готовиться надо. После, когда наши город от немцев освободят, расскажите всем, как мы Родину защищали.

Великанов опустил голову, нагнулся, крепко схватил угол брезента, недовольно буркнул:

– Пошли, чего стоите!

Сашка, Максим и Левка взялись за брезент, потащили лейтенанта к домам. Они не дошли до крайнего, когда до них докатился гулкий звук первого выстрела. Все остановились, обратились взорами в сторону орудия. Со спуска было видно, как черный столб земли поднялся над дорогой там, где ехал передовой отряд немецких мотоциклистов. Сашка зорким взглядом приметил, что из пяти трехколесных машин только две остались на ходу, но и те повернули назад к колонне. Возглавляющий ее броневедомство остановился, колонна встала. Из стоящего позади броневедомства грузовика стали выпрыгивать похожие издали на муравьев немецкие солдаты. В это время прогремел второй выстрел. Артиллеристы не промахнулись и в этот раз. Окрашенный в темно-серый цвет грузовик подбросило взрывом, кабина загорелась. Около машины появились объятые пламенем фигурки. Из груди у Александра вырвалось:

– Так вам, гады!

– Молодцы артиллеристы! – добавил Левка.

Словно споря с ними, пулемет броневедомства дал длинную очередь в сторону сорокапятки. Бронированная машина тронулась с места и, сопровождаемая пехотинцами, взяла курс на орудие.

Через минуту снаряд сорокапятки врезался в броню. Взрыв сотряс броневику, из него повалил густой черный дым. Следующий выстрел пришелся по пехотинцам. Немецкие солдаты, оставшись без поддержки, залегли, но из-за горящего грузовика к ним на помощь выполняла стальная машина танка. Артиллеристы перевели огонь пушки на него. В этот раз выстрел оказался неточным. Снаряд разорвался рядом с гусеницей. Немцы ответили. Из дула танка вырвался сноп пламени. Немцам тоже не повезло. Снаряд перелетел орудие, взорвался рядом с разбомбленной полуторкой. Танк продолжал движение в сторону огневой точки вместе с воспрянувшими духом пехотинцами. Следующий выстрел из сорокапятки его остановил. На этот раз снаряд угодил в гусеницу, повредил траки и каток. Перебитая гусеница обездвижила боевую машину, однако немецкие пехотинцы останавливаться не собирались, постреливая в сторону артиллеристов, они упорно шли вперед. Из-за разбитого немецкого грузовика выкатился второй танк. Раскатисто рывнуло орудие. Сорокапятку вместе с двумя артиллеристами накрыло взрывом...

Тимофей сорвал с головы ушанку, сжав зубы, зарывал от отчаяния. На брезенте дернулся и протяжно, почти по-детски застонал лейтенант. Великанов жалостливо глянул на раненого, нахлобучил шапку, зло вымолвил:

– Чего встали как вкопанные?! Потащили его к нам в хату, пока нас немцы не заметили.

* * *

Бойцов Красной армии на улице уже не было. Кровавые пятна на снегу, следы в грязевой жиже, оброненная кем-то ушанка с красной звездой и стрелянные гильзы – все, что напоминало о недавнем их присутствии. Минувя открытые ворота и двор, лейтенанта занесли в дом, бережно положили на деревянный пол. Появление раненого военного чудесным образом действовало на мать Тимофея. Тетя Зинаида медленно встала с кровати, подошла к лейтенанту. Тимофей бросился к матери, взял за руку.

– Мама, ты чего? Ложись. У тебя же сердце. Мы сами.

Она указала на старинный платяной шкаф с мутноватым зеркалом, произнесла слабым голосом:

– Там простынка новая, на кухонной полке бутылка водки стоит, от отца осталась, давай сюда. Ножницы тоже носи. Снимите с него гимнастерку и воду в ведерке поставьте греть, надо раны, как положено, обработать.

Тимофей перечить родительнице не стал, знал, что мать в медицине толк знает, поскольку во время империалистической войны она работала сестрой милосердия в военном госпитале. В госпитале и познакомилась с отцом, лежавшим на излечении после ранения, полученного в бою с австрийцами.

Глянув на раненого, она произнесла:

– Как же так тебя, милоч, посебло? Эх, война треклятая, одних увечит, других жизни лишает...

Не теряя времени, Александр бросился снимать с лейтенанта гимнастерку, Левка и Максим набрали в жестяное ведро воды из стоявшей у входа деревянной бочки, поставили на печь, Тимофей принес бутылку и простыню. Тетя Зина приказала:

– Режь простыню на лоскуты.

Он взялся за ножницы, Максимка остановил:

– Тимоха, глянь, там немцы.

На улице послышался быстро нарастающий рев мотоциклетных моторов. Все кинулись к окнам. В проеме распахнутых ворот мелькали мотоциклы с колясками, в которых сидели немецкие солдаты.

– Так вот они какие, немцы, – чуть слышно произнес Александр.

Один из мотоциклов неожиданно остановился перед воротами. Два здоровяка немца слезли с боевой трехколесной машины и стали закатывать ее во двор. Мать Тимофея побледнела, всплеснула руками.

– Господи, никак к нам!

Волчок с лаем бросился к немцу в пятнистой короткой куртке, тот встретил его ударом ноги, схватился за автомат. Пес сдаваться не собирался и снова ринулся на чужака, пытаясь вцепиться зубами ему в сапог. Короткая очередь отбросила его к будке. Волчок взвизгнул, крутнулся и затих у своего жилища.

Тимофей рванулся к дверям.

– Сволочь!

Мать остановила:

– Стой! Куда? Раненого в подвал прячьте!

Великанов кинулся к крышке подвала, рванул кольцо на себя, кинул взгляд на Багдасаряна.

– Левка! Прыгай вниз, приглядишь за ним.

Максимка поторопил:

– Давайте быстрее, немец сюда идет!

Лейтенанта торопливо опустили в темное чрево подвала. Едва успели закрыть крышку и набросить на нее половик, как хлопнула входная дверь, в прихожей гроыхнуло пустое ведро. В комнату, которая одновременно служила семье Великановых и залом, и гостиной, и кухней, вошел мордастый, лет сорока пяти, атлетически сложенный немец в камуфлированной куртке, распахнутой на груди. Александр заметил на черной петлице серого кителя два похожих на белые молнии знака. Позже Григорьев узнал, что это был знак войск СС, а немец принадлежал к части «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Холодные с прищуром голубые глаза немца заскользили по матери Тимофея, по Анютке, остановились на юношах. Немец ухмыльнулся, направив на них дуло автомата, изрек:

– Сталинюгенд?

Мать Тимофея кинулась к нему, закрывая собой парней.

– Не надо! Зачем? Они же еще дети!

Немец осклабился, направил ствол вверх. Там на деревянной побеленной стене висели портреты главы Страны Советов Иосифа Сталина и маршала Семёна Будённого, чуть поодаль, рядом с другими семейными фотографиями, фото Тимофеева отца в буденовке. Длинная очередь всколыхнула воздух над головами хозяйки дома и юношей. Пули изрешетили портреты и фотографию. Досталось и отцовым предкам, две пули вонзились в старую, пожелтевшую от времени фотокарточку, на которой было изображено многодетное казачье семейство.

Немец утробно засмеялся. Анютка вскрикнула, испуганно закрыла лицо ладошками. Тетя Зина вздрогнула, будто на ее глазах во второй раз убили мужа, попятилась назад. Сильно кольнуло сердце, голова закружилась, она пошатнулась. Тимофей подхватил ее за руку.

Немец снова нажал на спусковой крючок. Теперь пули полетели в красный угол, к иконостасу, где на дубовой полочке стояли три иконы. Они прошили образа Спасителя и Пресвятой Богородицы. В комнате едко запахло порохом. Икона Николая Чудотворца, словно уклоняясь от пуль святотатца, упала на полку. Пули впились в стену, не причинив ей вреда.

Нервозность и злость немца были понятны, ведь не прошло и получаса, как артиллеристы Красной армии отправили на тот свет нескольких их сослуживцев. Мать Тимофея отстранила сына, перекрестилась, решительно направилась к красному углу, дрожащими руками бережно подняла с пола упавшую изуродованную выстрелами икону Божьей Матери, прижала к груди. Старинные деревянные иконы передавались в ее роду из поколения в поколение и достались ей от бабушки, потому она берегла их пуще всего. Даже ее партийный муж, отец Тимофея, не смог заставить Зинаиду убрать иконы. Она посмотрела на направленный на нее ствол автомата, подрагивающими руками поставила икону на полку. С трудом преодолевая боль в сердце и слабость, изобразила на лице улыбку, указала на стоящий рядом со столом табурет.

– Вот сюда проходите, пожалуйста.

Ступая грязными сапогами по чистому половику и деревянному полу, немец подошел к табурету, снял грязные перчатки, бросил на стол. На безымянном пальце левой руки тускло блеснул серебряный перстень с изображением черепа. Немец схватил со стола бутылку водки, разглядывая, довольно произнес:

– О, гут! Русиш шнапс!

Мать Тимофея взяла со стола ножницы, сунула Анютке.

– Убери, и портреты со стены снимите от греха подальше.

Тимофей поспешил исполнить указания матери.

На выстрелы со двора прибежал второй немец с карабином в руках. Этот «гость» был в длиннополном прорезиненном серо-зеленом плаще и каске, на которую были натянуты мотоциклетные очки. Они-то и оставили около его глубоко посаженных болотных глаз светлый след. Остальная часть лица, как и у его сотоварища, была покрыта сажей и грязными разводами. Увидев в руках сослуживца бутылку водки, он довольно заговорил. Немец, вошедший в дом первым, поставил бутылку на стол, взял крынку с молоком, неторопливо сделал несколько маленьких глотков, передал сослуживцу. Со словами: «О, милх, зер гут!» – тот стал жадно пить молоко. Белые струи стекали по его грязному небритому подбородку, по шее, по прорезиненному плащу на пол. Александр неприязненно наблюдал, как под кожей на шее у немца противно дергается острый кадык, у него возникло непреодолимое желание вцепиться в него пальцами и давить, давить, давить...

Опорожнив сосуд, немец откинул его в сторону. Глиняная крынка разбилась, осколки разлетелись по полу. Мать Тимофея нагнулась, суетливо собрала осколки, сложила у печки, затем постелила белую простыню на стол, дрожащими ладонями тщательно расправила складки, обернувшись к сыну, бросила:

– Чего стоишь! Ставь на стол стаканы, неси гостям угощения: картошку, сало, лук, хлеб.

Обладатель прорезиненного плаща направился было к столу, но его товарищ строго заговорил на немецком. Подчиняясь старшему по званию, тот развернулся и с недовольным видом вышел из дома. Мордастый немец ткнул указательным пальцем на Александра и Максима, потом на висевшее на вешалке полотенце и стоящее у печки пустое ведро:

– Фи, брать вассер, тряпка, ходить помогать Гюнтер. Бистро! Шнель! Шнель!

Друзья схватили полотенце, набрали в ведро воды, выбежали во двор.

– Ишь, по-русски научился говорить. Видать, с самого начала с нами воюет, гад, – высказался Максимка, когда дверь за ними закрылась.

Григорьев кивнул в сторону ворот:

– Вон их сколько, паразитов. Идут и идут. Конца-края им нет.

В проеме ворот с рокотом проплыли стальные махины немецких танков с крестами на башнях, за ними грузовики с пехотинцами и пушками на прицепе, следом несколько крытых повозок на резиновом ходу с запряженными в них ухоженными крупными белогривыми лошадьми рыжей масти с мохнатыми ногами. За повозками немцев не было. На время движение германских частей по их улице прекратилось. Надолго ли? Александр остановился, обеспокоенно посмотрел на дом Великановых. Как там Тимоха и Левка? Пока в доме было тихо...

Когда Григорьев и Плотницын вышли из дома, мордастый немец обратился к Тимофею, кивнул в сторону стоявшего на печке ведра с водой, затем указал на табуретку.

– Вассер.

Тимофей понял, снял с печи ведро, поставил на табурет. Немец сунул палец в ведро, довольно произнес:

– Гут вассер.

Закинув автомат за спину, он снял каску с натянутым на нее камуфляжным чехлом, надел Тимофею на голову, рассмеялся.

– Ецт бист ду айн дойчер зольдат. Немецкий зольдат, корош зольдат. Я брать ваш город Ростов восемнадцатый год. Сейчас два раз.

Немец говорил правду: в восемнадцатом году кайзеровские войска действительно оккупировали Ростов-на-Дону, об этом Великанову рассказывал отец. Сейчас немцы пришли снова. Тимофей отшатнулся, сдернул каску, положил на стол. Немец зло посмотрел на юношу, помахав указательным пальцем перед его носом, сказал: «Найн!» – и снова водрузил ее на голову Великанова-младшего. Тимофей потянулся рукой к каске, но встретился взглядом с глазами матери. Он видел, как она почти беззвучно, одними губами, прошептала: «Сынок, не надо!» Кинув взгляд на испуганную сестренку Анютку, он опустил руку. Сейчас важно было усмирить взрывной, как у отца, характер, чтобы не погубить близких ему людей. Немец склонился над ведром, зачерпнул ладонями воды, плеснул на грязное лицо, энергично растер руками. Тимофей с ненавистью посмотрел на мощную шею и бритый затылок. Немец умывался, шумно отфыркиваясь, расплескивая воду на пол. Мать кивнула на шкаф:

– Пойди принеси ему чистый рушник.

Тимофей сходил за полотенцем и протянул его немцу, когда тот закончил умываться. Немец взял полотенце, утер лицо и руки. Неожиданно его взгляд остановился на кровавом пятне на полу. От разлитой воды оно расплывалось, становилось больше. Немец бросил полотенце на стол, зашарил глазами по комнате. Второе пятно он обнаружил недалеко от входа в подвал. Отбросив половик, фашист обнаружил крышку. Жестом подозвав к себе Тимофея, он велел открыть лаз. Лицо матери побледнело, рука невольно легла на сердце. Анютка прижалась к матери.

Тимофей подошел к лазу, поднял крышку, прислонил ее к стене и встал у немца за спиной. Мотоциклист, не отрывая взгляда от входа в подвал, передернул затвор автомата, опасно подошел к подвалу, направил ствол в подпольную темноту. Указательный палец лег на спусковой крючок. Допустить того, чтобы немец выстрелил, Тимофей не мог, ведь тогда будут

убиты Левка и лейтенант, а затем, скорее всего, кара постигнет и всех остальных, включая мать и маленькую Анютку. О зверствах гитлеровцев Тимофей и его друзья были уже наслышаны...

Взгляд упал на колун, прислоненный к печке рядом с поленьями. Он не заметил, как топор оказался в его руке. Перед глазами мелькнул ненавистный бритый затылок. Ярость подступила к горлу. Вспомнился отец, убитые рядом с их домом красноармейцы, погибшие у полуторки артиллеристы, любимый пес Волчок, коза Машка и разрушенный сарай. В следующую секунду немец с разрубленным черепом рухнул в подвал. Второй захват Ростова-на-Дону стал для него последним.

Приглушенно вскрикнула мать, громко и протяжно застонал раненый лейтенант. Что-то сказал по-армянски Левка. Тимофей кинулся к окну. Во дворе Сашка отмывал люльку от грязи и крови, а Максимка помогал второму мотоциклисту менять колесо. За воротами немцев не было, но они могли появиться каждую минуту, а значит, надо было поторопиться. Спрятав за спину окровавленный топор, Тимофей шагнул к двери. Мать не останавливала, она понимала, что теперь у них нет другого выхода.

Немец в прорезиненном плаще поменял колесо и уже собирался подняться с корточек, когда отворилась дверь и из дома вышел Великанов. Тимофей, широко шагая, быстро направился к мотоциклу. Он заметил, что на люлке имеются два рваных отверстия от осколков и следы еще не смытой Сашкой Григорьевым крови. Ему ясно вспомнился недавний обстрел артиллеристами немецкой колонны.

«Наверное, это их работа», – мелькнуло в голове Тимофея.

Слов: «Ребята, валите немца на землю!» – мотоциклист не понял, но интуитивно почувствовал опасность, исходящую от рыжеволосого рослого юноши, который подозрительно держал руку за спиной. Немец протянулся к лежащему в люлке карабину, но в это время Сашка надел ему на голову ведро с водой, а Максимка бросился под ноги. Немец кулем повалился на землю. В следующую секунду к ним на помощь пришел Великанов. Под ударами обуха топора хрустнули шейные позвонки мотоциклиста, тело обмякло. Тимофей сел на колено, перевернул немца на спину. Александр заметил, что руки товарища трясутся. Великанов сдернул с головы убитого ведро, посмотрел в мертвеющие глаза, затем вскочил, озираясь, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.